

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Пожилой свекр и молодая невестка

Мы познакомились с Олесей в газете. Я пришла туда работать месяца на два позже ее. Наши биографии очень похожи, мы обе росли без отца и почти ровесницы. Она наполовину армянка, наполовину белоруска. И это гремучая смесь — южный темперамент и северная сила духа. У нее хорошо развитая, коварная, изощренная фантазия и натура «себе на уме».

У нее тонкие черты лица, змеиная, словно каменная, граненая головка, большие черные змеиные глаза, всегда подернутые зыбкой поволокой, за которой, кажется, мерцают звезды, густейшая огненно-рыжая грива волос, осиная талия, широкие бедра и на удивление белая кожа.

Я сама девушка и редко в этом признаюсь, но ее внешности я завидую.

Ее парень Мишка — из благополучной семьи московской профессуры, он самый младший в семье, любимый сын. Ну вот когда он познакомил Олесю со своими родителями, его мать прямо взвилась вся, она не просто невзлюбила Олесю, она просто готова была ее растерзать сразу же.

Чем она ей не понравилась, не понятно.

В знак протеста, Мишка ушел из семьи, денег отец не дал, Мишка устроился на работу в какой-то архив, платят там мало. У Олеси тоже зарплата не ахти. В общем, сняли они комнату у хозяина в большой четырехкомнатной квартире старого образца, нереально просторной, хотя и по советски обставленной.

Хозяин — пожилой мужчина, немногословный, смуглый, сутулый запросил приемлемую цену, правда предупредил, что может попросить помочь с уборкой квартиры.

Все это я узнала позже, постепенно. Хотя с Олесей мы сошлись сразу. Я тогда еще курила, мы вместе ходили в курилку, ну у нее характер такой — то она болтает без умолку, то молчит, как партизан.

И вот в редакции все замечают, что Олеся просто расцвела!

Кожа стала ровной, белой, как мелованная бумага, груди налились, глаза заискрились, даже волосы, кажется стали гуще, рассыпались по плечам, на налившихся черешневых губах явилась многозначительная улыбка умиротворения. Правда при этом наметилось и что-то бабье, самоцье.

Что такое?! Много я не знаю точно, и понимаю что-то по косвенным свидетельствам.

Много она рассказала сама с такими подробностями, что штaketник уносит.

Постепенно мы с ней прирастали к джинн-тонику, а она, когда чуть подопьет, болтает без умолку.

И вот как-то хозяин предупредил, что к нему едет младший сын с женой, и они немного поживут в одной из комнат. А Олесю спит очень чутко.

Чувствует ночью, что-то не то. У нее и интуиция змеиная. Выскользнула в коридор, дверь хозяина — дальняя и она приоткрыта, пробежала к ней, посмотрела в щель. Хозяин ебет на постели невестку раком.

Ебутся очень сосредоточенно, молча, глухо мычат только. Он ей руками то соски тербит, то анус большим пальцем ласкает, то ягодицы мнет. Она ему подмахивает страстно, стесняясь взглянуть на него, и моя подруга ощутила, что сноха получает от свекра самую сладкую в своей жизни еблю.

Потом Олеська поняла, что семья сына очень рассчитывает, что отец эту московскую квартиру подпишет им, и специально привез ему жену, чтобы она его «задабривала», он знал, что она ему дает. Там еще старший брат есть, тоже с семьей, но он не такой ушлый.

Взволнованная Олеська на цыпочках вернулась к себе. А уснуть не может. Снова выглянула в коридор, а этот младший самый сын — уже приткнулся к отцовской двери, глаза во все глаза, как отец ебет его жену и с упоением страстно дробит.

Олеська сказала, что никогда не забудет как безумно блестели его глаза в том немом полумраке.

Дальше — больше! Отец понял, что сын «спит беспробудно» и осмелел. Стал приглашать невестку к себе уже на более долгое время по ночам. Олеська рассказывала, что ей страшно хотелось подсмотреть еще, а тут что-то назревает, но она опасалась, пересечься в коридоре с этим сыном.

Ну я предупреждала, что девушка она коварная.

И вот вечером Мишка — в ванной, она берет бутылку минералки, два стакана, в один насыпает снотворного и простит этого сына открыть ей бутылку боржоми, мол, пробка тугая, а открывашки нет. Тот открывает, она говорит: второй раз покупаю эту воду, какая-то она горьковатая на вкус, или мне, кажется? Попробуйте, нормальный вкус? Наливает в его стакан со снотворным, тот делает глоток-другой, говорит: да, вкус неестественный.

Олеська отвечает: ну тогда пить я ее не буду и покупать там больше не буду. Ну и выливает ее в раковине на кухню.

В ту ночь она уже подумала, что зря опоила хозяйского сына. Дом спал беспробудным сном, и Леся тоже заснула. Проснулась, как от толчка и сразу сон, как рукой сняло. Скользит к хозяйской двери, та прикрыта. А ее уже саму трясет. Потихоньку потянула дверь на себя, та закрипела.

Кто-то за дверью, — басом шепчет невестка.

Не обращай внимания, то сквозняки. У меня это обычное дело, — хрипит хозяин.

Олеська отстранилась, затаилась, потом робко заглянула в щель.

На этот раз невестка была в белоснежном платье невесты. Видимо, ее свадебное оставалось у этого отца, или новое купили. Ну тут было все, чулки, фата. Правда платье уже было снято и разложено на кресле, невестка оставалась лишь в белых чулках с подвязками, фате и вуали.

Свекр скрещивал ее сверху, она лежала на спине, широко раскинув согнутые в коленях ноги, ее вагина страшно хлюпала, иногда она поднимала голову, напряженно смотрела в то место, где свекр входил в нее, жадно ловила рукой его яйца и ненасытно мяла, мяла, они сосались бешено, взасос.

Олеська не выдержала, смахнула с себя все и сладострастно стала дробить, уже не обращая внимания ни на что.

Днем ей казалось, что все, что было ночью — это сон. Представить наяву, что отец ебет жену сына — это очень сложно.

И вот как-то хозяин просит Олеську помыть окна в его комнате. Мол, неудобно невестку просить, у них отпуск и все такое.

Та навела пену в ведре, губка. Она моет, стоя на подоконнике, он лежит на постели, читает газету.

Она тянется на цыпочках, окна высокие, ну и опрокинула нечаянно то ведро.

Он так вздохнул, не спеша встал, достал откуда-то ремень и велит ей: раздевайся! Она

смотрит, как замороженная на тот ремень и раздевается...

Он продолжает: до гола, до гола! Ты знаешь сколько этот паркет стоит? Он теперь от мыла весь разбухнет и поднимется. Я тебя за это высеку.

И вот эта Олеська, этот темперамент, этот огонь, эта неизбывная гордость. Оказывается голая, сама становится на постель, и он ее начинает сечь по настоящему, с душой.

Она вертит задом, пытается вернуться, но почему-то не убегает, как будто реально заслужила.

И тут он останавливается, выходит из штанов, и видит подружка, что он дико возбужден, хуй стоит колом, и сама начинает дико возбуждаться. Она говорит, что такого с ней никогда не было!

А он снова медленно берет ремень, хлыстнет и спрашивает:

«Будешь изменять своему жениху? Будешь?»

Олеська совсем тормоза потеряла орет и плачет:

«Да! Да!!!»

А он:

«С кем? Со мной? Со мной?»

«Да! С тобой, с тобой!!! — Орет девушка.»

«То-то же, сучка. — Удовлетворенно кряхтит он складывает ремень и велит: одевайся!»

Она вырвалась, кое как похватила одежду, говорит, что чуть не наебнулась на том мыле.

Вскользнула в свою комнату, юркнула в постель, сердце бьется, ягодицы горят. И никак не может разобраться в своих чувствах. Понимает, что произошло, что-то важное, ну что с этим делать, не знает.

А хозяин, ему возбуждение выплеснуть надо, поймал сноху (сына и Мишки не было), пропустил ей свои длинные, сильные руки под коленями, поднял, она тоже небольшая, упер спиной в стену, прямо в коридоре и жестко ебет ее на весу, с вешалки шляпы падают.

Леська говорит, смотрю во все глаза и не верю, что в нее весь хуй входит!

Она стонет, глаза белые, она от блаженства зрачки под лоб закатила, пизда хлюпает и резкие, влажные шлепки наполняют всю квартиру; они лобками резко бьются.

Прошло дня три. Леська сама не своя. Мишка чувствует, что с невестой что-то не так. А она и сама не знает, что не так.

И вот этот хозяин ущучил ее на кухне и говорит: ночью, как твой уснет, приходи ко мне в спальню, я вижу ты места не находишь, ебаться хочешь. Приходи сразу голая.

Она едва дождалась. В ту ночь Мишка спал чутко, ворочался, но вот вроде засопел ровно. Она выскользнула из под одеяла, сняла с себя все, чувствует, ее тело горячее невероятно.

Кинулась к хозяину, ну у его двери растерялась, замешкалась. А он сам изнутри вдруг дверь открыл, схватил ее за талию и бросил на постель на спину.

Она испугалась, стала извиваться, а он ее руки, над ее головой прижал своими к постели, а она ноги поджала в коленях, раздвинула, задом вертит, пытаюсь вырваться и чувствует, что его скользкая, невероятно горячая головка уже тычется то во влагалище, то в бедра, то в анус и оставляет на них густую смазку.

Она уворачивается, а он ее уверенно находит членом, ну вставить никак не может, очень она юрка.

Она чувствует, что его толстая змея настойчиво ищет ее норку. Испугалась, стала яростнее уворачивается, качает своим гнездом из стороны в сторону, уже проклиная себя, что сама

пришла, а он ползет на нее, ползет.

И вот она чувствует, что он поймал ее своей головкой и надавил.

Она ощущает испуганным влагалищем, что головка слишком большая, с распертыми жабрами, замерла от испуга, а он снова надавил, и эта опасная головка вязко пошла, раскрывая ее своими щеками. Она замерла от испуга, словно прислушиваясь к себе, с удивлением чувствует головка утонула, и губы, вязко чмокнув, сомкнулись под теми самыми жабрами. И не верит сама себе.

И тут он решительнее надавил и плавно вошел во влагалище сразу по самый корень, и яйца легли на ее зудящий анус.

Она так испугалась, что заорала.

Он ей рот ладонью залепил и начал потихоньку ебать.

Она признает, что все те дни, после порки, была возбуждена и хорошо смазана, поэтому он вошел, как по маслу, хотя был таким большим и тяжелым, что по началу ее слегка затошнило.

Ей очень тяжело, она все еще вырывается по инерции, но все меньше и меньше, а он ее ебет, набывчившись, размашисто, она робко начинает подмахивать, потом все страстнее и яростнее, она вспомнила, как они похабно сосались со снохой, тоже так захотела, стала тянуться к нему ртом. И тут видит: в проеме двери — его сноха голая, дрочит.

— Иди отсюда! — Притопнул на нее свекр, она вздрогнула, но не убежала, глядела и продолжала яростно дрочить.

А Олеська и хозяин слились в страстном поцелуе, сосались дико, вzasос, свивались языками, она трется окаменевшими, зудящими сосками об его жесткую, волосатую грудь, а у самой мурашки аж по пяткам и по макушке бегают.

Она вспоминает, что тогда вдруг осознала, что она сама и этот старик они оба преступно голые. И эта их постыдная нагота была упоительна!

Эта нагота, эти налитые груди с возбужденными сосками, этот крутой, чистый лобок, это еще несмелое, неопытное влагалище предназначалась ее жениху. А ее, голую, брал этот похабный старик. И она сама пришла к нему. Принесла свою пизду. А может это сама пизда привела к этому матерому самцу хозяйку, помимо ее воли.

И он выблуживал ее глубоко, ненасытно, властно, опытно и сильно (как не смог бы жених) по хозяйски гуляя по ее девичьему телу, по самым его сладким срамным местам своими сильными горячими руками, как по своему собственному, ведь они с ним срослись в единое целое и не чувствовали своих границ.

Ее влагалище привыкало к члену хозяина, а его слюна уже играла в ее теле. Само тело готовилось принять его живучую сперму, а пылающая, скользкая матка быть оплодотворенной.

И в тот момент, когда абсолютно голая любовница чувствовала глубоко под самым пупком, тяжелую, как литую, скользкую головку его голого, без презерватива, опасного члена и глубоко в гортани его язык, она и поняла, что подходит первый в ее жизни оргазм.

И ее накрыло. Она говорит, что ее трясло так, что вместе с ней на ней трясся и ее любовник.

Она выгибалась дугой, а слюна изо рта затекала ей в уши, а по промежности стекала пена.

После той ночи она словно с ума сошла. Признается, что только тогда поняла, что такое настоящий секс.

Поскольку натура она страстная, скрывать от Мишки свои отношения с хозяином она не

стала.

Что ее удивило, когда она начала рассказывать жениху про хозяина, то увидела, что Мишель залез рукой в трусы и украдкой подрачивает себя.

Тогда она велела:

«Сними трусы, я хочу на тебя посмотреть!»

Он снял, и она увидела, что у него, его «карандашик», как она говорит, дико стоит.

«Дрочи, дрочи!» — Подначивала она. И он яростно дрочил под ее рассказ.

Ну, а потом они с хозяином стали брать его в постель. Когда хозяин ебет подругу, Мишка лижет ей клитор и груди. Ее клитор, при ебле, словно вываливается из губ, и как слизняк на ниточке тащится за губами по глубокому рельефу члена хозяина, цепляется за вены и шишки.

Жених кончиком язычка поддавливает его и играет с ним. Она говорит, что это неземное блаженство!